

Эжен Сю Парижские тайны. Том II

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Глава XIII ПЕРВОЕ ГОРЕ ХОХОТУШКИ

Комната Хохотушки, как всегда, блестела радующей глаз чистотою; стоявшие на камине большие серебряные часы в футляре из самшита показывали четыре; сильные холода уже миновали, и бережливая работница не топила печь.

Из окна виднелся лишь клочок голубого неба, он проглядывал сквозь беспорядочное нагромождение кровель, мансард и высоких труб – по другую сторону улицы они закрывали горизонт.

Внезапно солнечный луч, словно заблудившись, проскользнул между двумя скатами крыши и на несколько мгновений озарил ярким блеском плиточный пол в комнате молодой девушки.

Хохотушка работала, сидя у окна; ее очаровательный нежный профиль выделялся на фоне чуть пламенеющих прозрачных стекол, и головка ее походила на бледно-розовую камею.

Блики света пробегали по ее темным волосам, стянутым на затылке в тугой узел, они оттеняли ее будто выточенные из слоновой кости маленькие трудолюбивые руки, в них с непостижимой быстротой мелькала игла.

Длинные складки коричневого платья, поверх которого был надет обшитый кружевцем зеленый фартучек, ниспадали на соломенное кресло, где сидела девушка; две прелестные ножки, как всегда со вкусом обутые, опирались на край невысокого табурета, стоявшего перед ней.

Подобно знатному вельможе, который из прихоти забавляется порою тем, что укрывает стены скромной хижины блестящими драпировками, заходящее солнце на минуту осветило эту скромную комнату тысячью беглых огней; солнечные лучи переливались золотистыми блестками на занавесях из серовато-зеленого набивного кретона, искрились на полированной мебели орехового дерева, сверкали на плиточном полу, отчего он стал походить на красную медь, и зазгли золотой ореол вокруг клетки для птиц, принадлежавших гризетке.

Но, увы! Несмотря на веселые проделки солнечного луча, обе птички – и кенар и канарейка – с тревожным видом порхали в клетке и, против обыкновения, не пели.

Дело в том, что Хохотушка, против обыкновения, тоже не пела.

А если не пела девушка, не щебетали и птички.

Почти всегда радостная утренняя песня Хохотушки как бы вызывала к жизни и песни канареек: они, более ленивые от природы, не покидали своего гнездышка в столь ранний час.

А уж тогда рождался задорный вызов, начиналось состязание звонких и ясных рулад, жемчужных и серебристых, – и не всегда птицам удавалось одерживать победу.

В тот день Хохотушка не пела... ибо впервые в жизни она испытывала неподдельное горе.

До сих пор зрелище нищеты в семействе Морелей часто трогало ее до слез, но такого рода картины чересчур привычны для людей из бедных сословий и потому они не слишком долго ранят душу.

Почти каждый день девушка помогала этим беднякам, насколько позволяли ей силы; она искренне вместе с ними оплакивала их горькую участь, но, возвращаясь к себе, она ощущала некоторое удовлетворение... Хотя ее не на шутку огорчала судьба этих бедолаг, она радовалась тому, что выказывает к ним глубокое участие.

И уже очень скоро природная веселость ее нрава вновь обретала над нею обычную власть... Отнюдь не из эгоизма, а только потому, что Хохотушка сравнивала свою жизнь с жизнью соседей, она, возвращаясь из ужасного логова Морелей к себе в комнатку, чувствовала себя